

Маленькая хозяйка большого дома. Храм гордыни

Общее для произведений этого тома - их жесткая реалистичность.

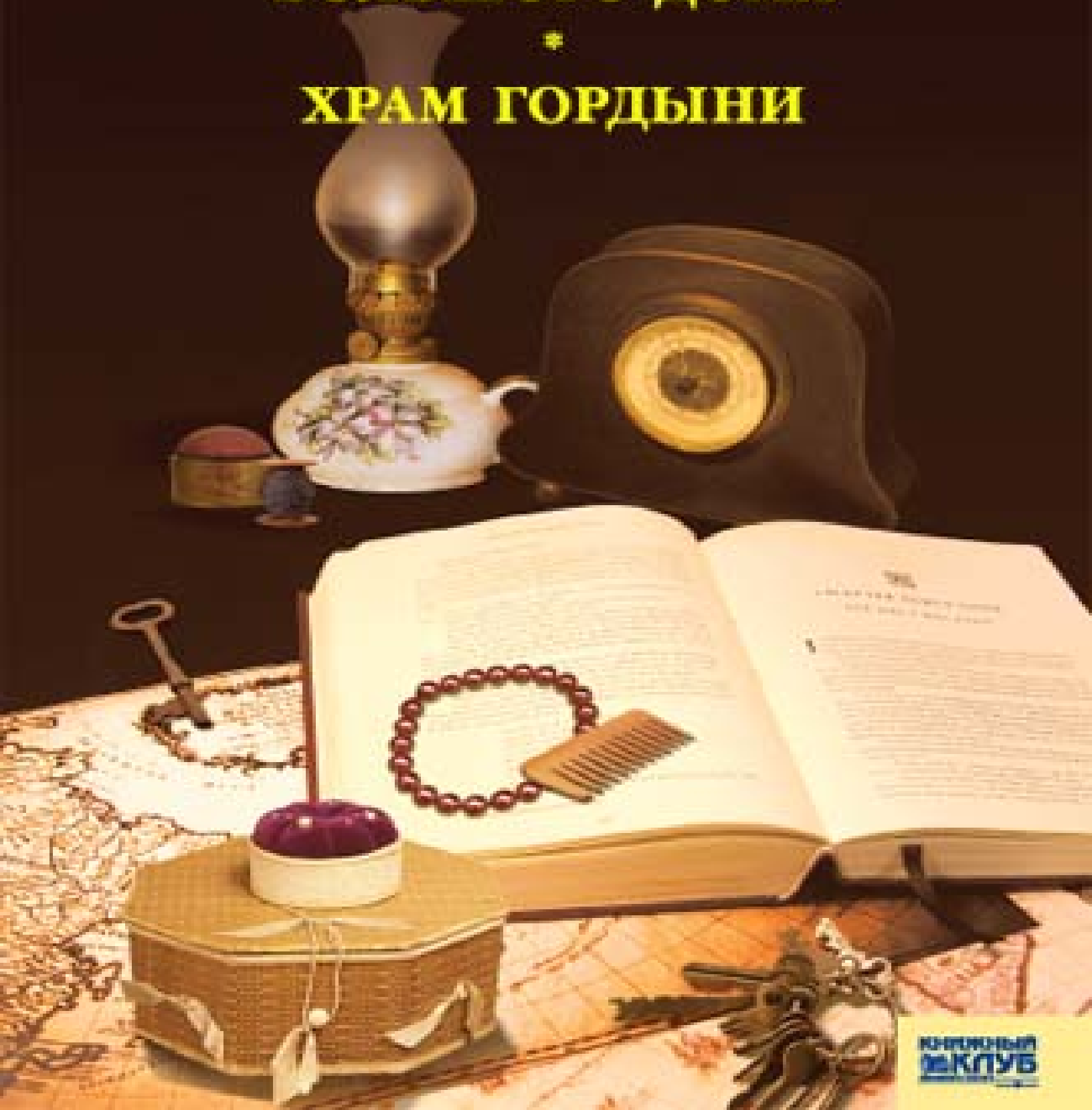
Роман о любви и семейной жизни «Маленькая хозяйка Большого дома» с классическим любовным треугольником сменяется циклом гавайских рассказов. В них высмеяна спесь белых людей и их снисходительное отношение к людям иной расы («Храм гордыни», «Алоха Оэ»), показан яркий характер китайского крестьянина, ставшего мультимиллионером («Чун А-чун»), описаны трагические судьбы людей, пораженных неизлечимым недугом - проказой.

ДЖЕК ЛОНДОН

МАЛЕНЬКАЯ ХОЗЯЙКА
БОЛЬШОГО ДОМА

*

ХРАМ ГОРДЫНИ

Джек Лондон

**Маленькая хозяйка большого дома.
Храм гордыни**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», предисловие и художественное оформление, 2009, 2011

ISBN 978-966-14-2564-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Л76 Лондон Дж. Собр. соч. [Текст] / научн. ред. и коммент. канд. филол. наук, доцента А. М. Гуторова ; худож. А. Печенежский. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2009.

Т. 12. — 416 с. : ил. — Содерж.: Маленькая хозяйка Большого дома : роман ; Храм гордыни : рассказы.

ISBN 978-966-14-0217-0 (Украина, т. 12).

ISBN 978-966-343-752-1.

ISBN 978-5-9910-0669-9 (Россия, т. 12).

ISBN 978-5-9910-0170-0.

Общее для произведений этого тома — их жесткая реалистичность. Роман о любви и семейной жизни «Маленькая хозяйка Большого дома» с классическим любовным треугольником сменяется циклом гавайских рассказов. В них высмеяна спесь белых людей и их снисходительное отношение к людям иной расы («Храм гордыни», «Алоха Оэ»), показан яркий характер китайского крестьянина, ставшего мультимиллионером («Чун А-чун»), описаны трагические судьбы людей, пораженных неизлечимым недугом — проказой.

Спільне для творів цієї книги — жорстка реалістичність. Роману про кохання й сімейне життя «Маленька хазяйка Великого дому» з класичним любовним трикутником йде на зміну цикл гавайських оповідань. У них висміюється пиха білих людей та їх зверхність до людей іншої раси («Храм гордині», «Алоха Ое»), показаний яскравий характер китайського селянина, що став мультимільйонером («Чун А-чун»), описані трагічні долі людей, уражених невиліковною хворобою — проказою.

ББК 84.7США

Маленькая хозяйка Большого дома

Глава I

Он проснулся, когда было еще темно, проснулся легко и сразу, не двинувшись даже, — открыл глаза и понял, что день еще не начался. Большинство людей, просыпаясь от сна, прислушивается, ворочается и как бы ориентируется в окружающем их мире; он же, проснувшись, сразу ощутил себя в определенном времени и пространстве. После долгого сна он без всякого усилия продолжал прерванную сном повесть своей жизни. Он знал, что он Дик Форрест, хозяин обширных имений, заснувший накануне поздней ночью; помнил, что, погружаясь в дремоту, предварительно вложил спичку между страниц «Придорожного Города» и нажал кнопку электрической лампочки.

Вблизи раздавался неясный шум тихого фонтана. Издалека доносились звуки, которым он радостно улыбнулся, но звуки столь глухие и далекие, что только очень острый слух мог разобрать их. Он слышал глухой горластый рев Короля Поло — лучшего из его шортхорнских быков, трижды признанного чемпионом всех быков Сакраменто и премированного на выставках штата Калифорния. Улыбка медленно сходила с лица Дика Форреста: невольно он мысленно остановился на новых победах, подготовленных им к этому году для Короля Поло на восточных рынках рогатого скота. Он им всем покажет, что бык, рожденный и вскормленный в Калифорнии, вполне может соперничать с самыми первосортными быками, выкормленными кукурузой Айовы или привезенными из-за океана — старой родины шортхорнов.

Через несколько секунд улыбка исчезла с его лица, он протянул руку и нажал в целом ряду кнопок первую. Таких рядов было три. Под тусклыми лучами света, пролившимися с огромного плафона, выявился спальный портик, с трех сторон окаймленный тонкой сетью медной проволоки. С четвертой стороны шла наружная стена дома из

прессованного бетона с венецианскими окнами, служившими для прохода.

Он надавил вторую кнопку того же ряда, и яркий свет упал на один только угол бетонной стены, заливая светом часы, барометр и два термометра — Цельсия и Фаренгейта. Беглым взглядом он охватил очередной бюллетень: время 4.30; давление 29,80; все в порядке вещей для этого времени года и на данной высоте; температура по Фаренгейту — 36°. Он опять надавил кнопку, и приборы снова погрузились во мрак.

Третья кнопка зажгла ему лампу для чтения, прикрепленную так, что свет падал сверху и сзади, а не прямо в глаза; первая же погасила матовый плафон. Он достал со столика пачку корректуры, зажег сигарету и, взяв в руку карандаш, принялся работать.

Комната представляла собой типичную спальню делового человека. Она была скромна и комфортабельна. Серая эмалированная кровать — под цвет бетонной стене. В ногах кровати лежал на покрывале его серый халат из волчьих шкурок с болтающимися хвостиками. На полу, на мохнатой шкуре горной козы, стояли туфли.

На большой конторке для чтения, рядом со сложенными в образцовом порядке книгами, журналами, записными книжками и блокнотами, оставалось еще место для спичек, сигарет, пепельницы и термоса. Тут же, на подставке, стоял подвешенный на петлях диктофон. На стене, под барометром и термометрами, из круглой деревянной рамки смело смотрело смеющееся женское лицо, а дальше, между кнопками и доской со штепселями, из открытой кобуры высовывалась рукоятка 44-миллиметрового автоматического кольца.

Ровно в шесть часов, когда серый свет уже проникал через проволочную сетку, Дик Форрест, не отрывая глаз от листов корректуры, протянул правую руку и надавил кнопку второго ряда. Пять минут спустя в спальный портик неслышно вошел китаец, неся небольшой медный полированный поднос с чашкой и блюдечком, крошечным серебряным кофейником и таким же крошечным серебряным сливочником.

— Доброе утро, О-Дай, — приветствовал его Дик Форрест, улыбнувшись.

— Доброе утро, хозяин, — ответил О-Дай, очищая на столе место для подноса и наливая кофе и сливки.

О-Дай заметил, что хозяин уже держит чашку кофе в одной руке, продолжая правку другой, и, не дожидаясь дальнейших приказаний, поднял с пола светло-розовый легкий кружевной чепчик и вышел так же бесшумно, как вошел. Он исчез, как тень, в раскрытой венецианской двери.

Ровно в половине седьмого он вернулся с другим подносом, побольше. Дик Форрест отложил корректуру, достал книгу с названием «Коммерческое разведение лягушек» и принялся есть. Завтрак был прост, но сытен: опять кофе, фрукты, два яйца всмятку в стакане с кусочком масла — очень горячие, и ломтик неперезаренной свиной грудинки от собственных свиней и собственного копчения.

Солнце сквозь сетку уже обливало кровать. С наружной стороны к проволочной сетке прилипло множество мух, в этом году слишком рано появившихся и оцепеневших от ночного холода. Форрест за едой обратил внимание на охоту за ними плотоядных ос. Выносливее пчел, они не боялись мороза и проносились в воздухе над ошалевшими мухами. Шумное жужжание не пугало ос; желтые хищники почти всегда попадали прямо на намеченных ими беспомощных жертв и улетали, унося их с собою. Последняя муха исчезла прежде, чем Форрест допил кофе и заложил спичку в «Коммерческое разведение лягушек», чтобы взяться за корректуру.

Время шло, и нежное пение жаворонка, первого запевалы утреннего хора, остановило его; он посмотрел на часы. Стрелка показывала семь. Отложив листы, он стал вызывать к телефону одного за другим ряд служащих, опытной рукой нажимая штепселя на доске.

— Алло, О-Пой, — начал он. — Что, мистер Тэйер поднялся?.. Прекрасно, не беспокойте его. Не думаю, чтобы он завтракал в постели, но узнайте... Правильно, и покажите ему, как идет горячая вода, может быть, он не знает... Да, отлично, вызовите еще одного боя и поскорее, если можно. С началом хорошей погоды, как всегда, столько народу нахлынет... Конечно, я на тебя полагаюсь...

— Мистер Хэнли?.. Да! — заговорил он затем, включив другой штепсель. — Я все обдумываю план этой Бьюкэйской плотины. Дайте мне, пожалуйста, смету, сколько будет стоить доставка гравия и ломка скал. Да, да, мне кажется, что доставка гравия обойдется приблизительно на шесть-десять центов дороже за ярд, чем дробление скал. Последний спуск скалы всегда мешает подвозу гравия. Вы

разработайте все цифровые данные. Нет, раньше чем через две недели мы начать не сможем... Да, да, если только придут новые тракторы, они избавят лошадей от пахоты, но в случае задержки их придется вернуть... Нет, по этому поводу вам придется поговорить с мистером Эверэном. До свиданья.

И наконец, третий звонок:

— Мистер Досон... что? У меня здесь сейчас тридцать шесть градусов. В равнинах, должно быть, все покрыто инеем, но, вероятно, это уже в последний раз в этом году... Да, они клялись, что тракторы доставлены еще два дня тому назад... Вызовите начальника станции; кстати, поймите мне Хэнли. Я забыл отдать распоряжение пустить в ход крысоловки со второй партией мухоловок... Да, поскорее... у меня сегодня утром их было несколько дюжин на сетке... Да... Всего хорошего.

Форрест выпрыгнул из кровати в пижаме, всунул ноги в туфли и быстрыми большими шагами прошел через венецианскую дверь в ванную, где О-Дай уже приготовил воду. Не прошло и пятнадцати минут, как он, успев побриться, уже лежал в кровати и читал книгу о своих лягушках, а О-Дай, безупречно точный, уже массировал ему ноги. Это были сильные красивые ноги хорошо сложенного человека, ростом в пять футов и десять дюймов, весом в сто восемьдесят фунтов. По ним можно было угадать многое. Левое бедро было изуродовано шрамом дюймов в десять длиной. Поперек левой же лодыжки, от подъема до ступни, виднелись штук шесть шрамов, величиной с серебряный доллар каждый. Когда О-Дай чуть сильнее мял и вытягивал левое колено, Форрест невольно вздрагивал. На правой голени также темнело несколько шрамов, а прямо под коленом до самой кости виднелся один большой шрам. От колена до паха шли следы старого ранения в три дюйма длины, усеянные еле заметными проколами снятых швов.

Снаружи вдруг раздалось веселое ржание, и, пока О-Дай одевал своего хозяина, натягивая на него носки и ботинки, Форрест вложил спичку в страницу книги о лягушках и выглянул в окно.

Было видно, как по дороге сквозь колыхавшиеся пышные ветви сирени на поводу у ехавшего впереди него живописно одетого всадника-ковбоя шагал огромный конь, сверкая красноватым отливом в золотистых лучах утреннего солнца, роняя клочья белоснежной

пены, надменно вскидывая чудесную гриву, ища кругом глазами, между тем как трубные звуки его любовного призыва разносились по весенней земле.

Дика Форреста сразу охватили радость и тревога: радость при виде чудесного животного, шагающего вдоль живой изгороди сирени, тревога по поводу того, что жеребец мог разбудить женщину, смеявшуюся из круглой деревянной рамки на стене. Он быстро перевел взгляд через большой двор на длинный тенистый выступ ее флигеля. Ставни ее спального портика были закрыты, они не шевельнулись. Жеребец снова зафыркал, и золотисто-зеленым пучком света, брошенным солнцем, с цветов и кустарника, застилавших двор, поднялась стая диких канареек.

Он следил за жеребцом, пока тот не скрылся из виду в чаще сирени, и начал мечтать о новых ширских жеребцах, прекрасных, крупных и чистокровных, и тут же, как и всегда, перешел на самое существенное и заговорил со своим слугой:

— Как новый мальчик, О-Дай, что он — хорош?

— Недурен, мне кажется, — отвечал О-Дай на ломаном английском языке, — он очень молодой, ему все ново. Медленно работает. Но, мне кажется, он понемножку привыкнет.

— Почему? Почему ты так думаешь?

— Я будил его три или четыре раза по утрам, он спит, как младенец; просыпаясь, улыбается точно так же, как вы. Это очень хорошо.

— Разве я, когда просыпаюсь, улыбаюсь? — спросил Форрест.

О-Дай с жаром закивал головой.

— Вот уже много лет, как я бужу вас. Ваши глаза всегда улыбаются, ваш рот улыбается, ваше лицо улыбается, вы весь улыбаетесь, вот так, очень быстро. Это очень хорошо. Человек, так просыпающийся, очень неглуп. Я знаю. Этот новый мальчик такой же. Поэтому очень скоро из него будет отличный мальчик, вы увидите. Его зовут Чжоу Гэн. Как мы его здесь будем звать?

Дик Форрест задумался.

— А какие у нас уже есть имена? — спросил он.

— О-Рай, Ой-Ли, Ой-Ой, а я — я О-Дай, — быстро перечислял китаец. — О-Рай говорит, что надо назвать нового боя...

Он остановился, колеблясь, и поглядел на хозяина, вызывающе подмигивая глазом. Форрест кивнул головой.

— О-Рай говорит, что надо назвать нового мальчика О-Черт.

— Охо! — засмеялся Форрест, вполне оценив шутку. — О-Рай молодец. Имя придумано отлично, но оно не подойдет. Надо думать о хозяйке, придется подобрать другое имя, при хозяйке ругаться нельзя.

— О-Хо! — вот хорошее имя.

Восклицание Форреста еще звенело у него в голове, и он понял источник вдохновения китайца.

— Отлично, пусть мальчик зовется О-Хо.

О-Дай кивнул головой, быстро вышел через дверь и так же быстро вернулся с остальной одеждой своего господина; он помог ему надеть тонкую фуфайку и рубашку, накинул ему на шею галстук, предоставляя ему самому завязать его, и, став на колени, надел на него длинные ботинки со шпорами. Широкополая фетровая шляпа и плетка, свисающая с локтя на кожаной петле, — и он был готов.

Но выйти он еще не мог. О-Дай подал ему несколько писем, пояснив, что их получили с вокзала поздно вечером, когда Форрест уже лег. Он разорвал конверты и быстро просмотрел их, кроме одного. На этом он остановился подольше, раздраженно нахмутив брови, затем выдвинул диктофон, нажал кнопку, пустившую цилиндр, и стал быстро диктовать, ни разу не остановившись, чтобы подыскать слово или мысль:

«В ответ на ваше письмо от 14 марта 1914 г. сообщаю, что мне было весьма прискорбно узнать об эпидемии у вас свиной холеры. Мне также очень неприятно, что вы нашли возможным возложить на меня ответственность за нее. И еще более неприятно, что боров, мною вам посланный, пал.

Считаю нужным заверить вас, что у нас никакой холеры нет и не было за последние восемь лет, за исключением двух случаев, принесенных к нам с Востока; из них последний был два года тому назад. В обоих случаях, согласно общим нашим правилам, скот был изолирован тотчас же по приезде и заколот прежде, чем зараза могла передаться нашему скоту.

Считаю также нужным сообщить вам, что ни в одном из этих случаев я не обвинил торговцев в присылке мне зараженного скота. Наоборот, памятуя (это следовало бы знать), что инкубационный

период свиной холеры длится девять дней, я заглянул в документы, свидетельствующие о дне отправки скота, и убедился, что в момент погрузки они были вполне здоровы.

Неужели вам не известно, что за распространение холеры в большей мере ответственны железные дороги? Слышали ли вы когда-либо, чтобы железная дорога дезинфицировала или окуривала вагоны, зараженные холерой? Вглядитесь в числа: проверьте, во-первых, когда я погрузил животных на пароход, во-вторых, когда вы получили свиней, в-третьих, установите время появления у борова холерных симптомов. Вы сами пишете, что из-за дурной погоды на море боров находился в пути пять дней. Первые симптомы появились на седьмой день после доставки, что вместе составляет двенадцать дней с момента отправки.

Я не согласен с вами и не могу взять на себя ответственность за несчастье, постигшее ваше стадо. В заключение предлагаю вам полностью убедиться в моей правоте, написать государственному ветеринару и узнать у него, есть ли холера у моих животных.

Преданный вам...»

Глава II

Форрест, выйдя из своего спального портика, прошел сначала мимо комфортабельно обставленной туалетной комнаты, с диванами у окон, со шкафчиками, с большим камином и с отдельным ходом в ванную, а затем направился в большую контору, обставленную письменными столами, с диктофонами, регистраторами, книжными шкафами, вырезками из журналов и разделенными на клетки полками, возвышающимися до низкого сводчатого потолка.

Дойдя до середины комнаты, он нажал кнопку, и несколько нагруженных книгами полок повернулись на своей оси, раскрыв узенькую винтовую стальную лесенку, по которой он спустился очень осторожно, чтобы не задеть шпорами книжных полок, становившихся обратно на место. Внизу, нажав на другую кнопку и соответственно повернув полки, он вошел в длинную узкую комнату, с пола до потолка уставленную книжными полками и шкафами. Подойдя прямо к одному из них, он протянул руку к определенной полке и сразу достал нужную книгу. С минуту он ее перелистывал, нашел нужную справку, кивнул головой, как бы найдя подтверждение, и положил книгу на место. Из этой комнаты другая дверь выходила на веранду из четырехугольных бетонных колонн; на них опиралась сквозная сетка брусьев из мамонтового дерева, покрытая более тонкими стволами того же дерева с золотисто-багряной корой, похожей на толстый, словно узорный, бархат.

Ему пришлось идти мимо длинных бетонных стен расположенного на большом пространстве дома, но он не искал кратчайшего пути. Под старинными дубами с обгрызанными стволами, где вбитая глубоко колея и разрытый копытами гравий свидетельствовали о местонахождении коновязи, он увидел светло-золотистую кобылу. Хорошо вычищенная шерсть ее искрилась под косыми лучами утреннего солнца, проникавшими через лиственный свод. Она трепетала и сверкала. Сложением она была похожа на жеребца, а проходившая вдоль ее позвоночника узкая темная полоса шерсти

указывала на ее несомненное происхождение от древнего рода мустангов.

— Как сегодня Людоедка? — спросил Форрест, снимая с нее недоуздок. Она заложила назад свои крошечные уши, явно свидетельствующие о романе одного из ее породистых предков с дикой горной кобылицей, и заблестела оскаленными зубами и злыми глазами, а потом, когда он вспрыгнул в седло, отскочила в сторону, забрыкалась и, все еще пытаясь встать на дыбы, понеслась по усеянной гравием дороге. Она и встала бы на дыбы, если бы не мартингал, мешавший ей закидывать голову и оберегавший всадника от последствий ее злости.

К этой кобыле он так привык, что почти не обращал внимания на ее выходки. Он управлялся с ней, как хотел, почти машинально, чуть касаясь поводом ее выгнутой дугой шеи или тихонько щекоча ее шпорой или давая шенкеля. И вдруг Людоедка так закрутилась и затанцевала, что он стал лицом к Большому дому. Дом, раскинувшийся на большом пространстве, все же был меньше, чем казался. С лицевого фасада он простирался на восемьсот футов. Большая часть пространства была занята коридорами с бетонными стенами и черепичными крышами, связывавшими и объединявшими различные части здания. Тут были внутренние дворики и веранды; стены с многочисленными прямоугольными выступами и углублениями вырастали из зелени и цветов. Архитектура Большого дома была близка к испанской, но не мексиканско-испанского типа, занесенного из Мексики лет сто назад, а модернизированного современными архитекторами, придавшими ему специфический калифорнийско-испанский характер. Большой дом при всей своей сложности был близок к стилю испано-мавританскому, хотя некоторые эксперты горячо спорили против этого определения. Он поражал просторностью без всякой казарменности и сдержанностью форм. Очертания его прерывались линиями выступов и углублений, прямоугольными и строгими. При этом неправильное очертание крыши снимало с него всякое однообразие. Четырехугольные вышки башен и башенок, высившихся друг над другом, придавали дому высоту; эту низкую и расплзшуюся постройку нельзя было назвать приземистой. Большой дом был прочен. Рассчитанный на тысячу лет, он не боялся землетрясений. Бетон был покрыт пластом цемента кремового цвета.

Однообразие тонов могло бы казаться утомительным для глаз, если бы не светлая краска ярко-красных испанских черепиц плоских крыш.

Кобыла танцевала, и взгляд Дика Форреста разом обнимал весь Большой дом; он на одну секунду с нежностью остановился на большом флигеле, стоявшем в глубине двухсотфутового двора, где под громоздящимися башенками, огненно-красными от утреннего солнца, закрытые ставни спального портика показывали, что хозяйка все еще спит.

Вокруг расстилались волнистые, тщательно скошенные холмы, разделенные на пастбища, уходящие в более высокие холмы, крутые лесные склоны, переходившие все выше и все круче в высокие горы. С другой стороны равнина таяла в мягких склонах, спускавшихся к далеким низким долинам, охватить которые взглядом было трудно, несмотря на ясный бодрый морозный воздух. Кобыла зафыркала. Дик подтянул ее шенкелями, и, слушаясь его, она сошла с середины дороги и пошла по краю. Он уже слышал около себя топот ног по гравию и увидел живую ленту белого блестящего шелка, сразу поняв, что это его лучшее стадо ангорских коз, каждая из которых имела свою родословную. Их было около двухсот, и он знал, что благодаря строгому подбору, неуклонно проводимому им, и тому, что их осенью не стригли, блестящая ангорская шерсть, покрывающая самую молодую, тонкая, как волос новорожденного или еще тоньше, и белая, как альбинос, или еще белее, была длиннее, чем классические двенадцать дюймов. Шерсть лучших из них может быть выкрашена в любой цвет на длинные косы, которые будут носить женщины, хотя бы их продавали по самым сумасшедшим ценам. Красота их поразила его. Вся дорога превратилась в поток живой шелковистой ленты, испещренной желтыми кошачьими глазами, плывущей мимо и с осторожностью и любопытством разглядывавшей его и чуткую лошадь. Два пастуха-баска шли сзади. Оба были невысокие, плечистые, смуглые, черноглазые, с живыми лицами, но с выражением созерцательным и вдумчивым. Они сняли шапки и низко ему поклонились. Форрест поднял правую руку с висящей на кисти плеткой, а правым указательным пальцем ответил по-военному, касаясь края своей широкополой шляпы.

Кобыла снова заплясала и завертелась. Он подтянул повод, погрозил шпорой, не сводя глаз с четвероногого живого шелка,

устилавшего дорогу блестящим белым покровом. Он знал, куда их вели. Наступало время прироста, и их спускали с пастбищ в горное подлесье, под загоны, где в течение всех этих критических дней за ними требовался тщательный уход и полагалось лучшее питание. Он смотрел и вспоминал, как выглядят все виденные им лучшие турецкие и южноафриканские ангорские породы; его стадо вполне выдерживало сравнение. Оно действительно имело хороший вид. Оно имело вид превосходный!

Он поехал дальше. Кругом слышалось торопливое щелканье автомобильных платформ-удобрителей. Вдали, на низких отлогих холмах, он смутно разглядел вереницы упряжек. Он знал, что это его ширские кобылы, впряженные по три, пашут землю, вспахивая целину, выворачивая зеленый дерн горных склонов и освобождая богатую, рыхлую, темно-коричневую влажную землю, такую насыщенную, что она рассыпалась от одной своей тяжести, расплываясь, точно просеянная. Эта земля предназначалась для кукурузы и кормовых трав. Согласно его системе севооборота, другие склоны холмов уже были покрыты высоким ячменем, а на следующих зеленели всходы люцерны и канадского горошка. Всюду большие и малые поля были обработаны по системе, делающей их такими доступными для земледелия, что один взгляд на них должен был согреть сердце самого придирчивого специалиста. Все заборы были устроены так, что ни быку, ни свинье не удалось бы через них перелезть; на полях не росло ни одной сорной травинки. Многие ровные поля были покрыты американской люцерной, на других уже созревал урожай, посаженный прошлой осенью, или подготавливался весенний посев. Участки, примыкающие к загонам, были отведены под пастбище шропширских и французских меринсовых овец или же для племенных свиней, при виде которых в глазах Дика вспыхнуло удовольствие.

Он проехал мимо поселка, отличавшегося от города только отсутствием лавок и гостиниц. Довольно вместительные особнячки, приятные на глаз, стояли посреди садов, где более устойчивые цветы, не исключая и роз, точно улыбались угрозе позднего мороза. Дети уже встали и возились между цветами или бежали домой завтракать. Отъехав с полмили от Большого дома, он выехал к целому ряду мастерских. У первой же из них он остановился и заглянул внутрь. Один кузнец стоял у наковальни; другой, очевидно, только что

подковав переднюю ногу пожилой кобылы, весившей не меньше тысячи восьмисот фунтов, спиливал терцугом наружную сторону копыта, подгоняя его к подкове. Форрест все заметил, поклонился и двинулся дальше, но, отъехав на сто футов, остановился и записал что-то в записную книжку, тут же вытащенную из кармана.

Он проехал мимо других мастерских: малярной, тележной, водопроводной и столярной. Пока он заглядывал в последнюю, мимо него быстро пронеслась странная на вид машина, не то автомобиль, не то фургон, и, свернув на большую дорогу, покатила к станции, находившейся в восьми милях от имения. Он узнал грузовик, принимавший утреннее масло с молочной фермы и отвозивший его к товарному поезду.

Большой дом был подлинной осью этого огромного имения. Он был центром, от которого прочно исходили круги, опоясывавшие его на полумиллю разными хозяйственными службами. Беспреданно раскланиваясь со своими служащими, Дик Форрест проскакал галопом мимо молочных ферм, множества построек с целыми крепостями, приспособленными для хранения зерна. Возчики навоза подымались по мосткам, перекинутым над дорогой, а спустившись, опрокидывали свою ношу в поджидающие их грузовики-удобрители. Форреста не раз останавливали разные служащие, часто с университетским значком, верхом или в повозках, и советовались по разным вопросам. Это были управляющие отдельными отраслями, и разговоры их были лаконичны и деловиты, как и требовал хозяин. Последний из них, верхом на трехлетней лошадке, грациозной, но дикой, как еще необъезженный арабский конь, хотел проехать мимо просто с поклоном, но Форрест остановил его.

— Доброе утро, мистер Хеннесси, а скоро ли лошадь будет готова для миссис Форрест? — спросил Дик.

— Мне нужно еще с неделю, — ответил Хеннесси. — Она теперь хорошо объезжена, именно так, как хотела миссис Форрест, но еще очень нервничает и слишком чутка, и ей бы еще с неделю надо, чтобы привыкнуть и успокоиться.

Форрест кивнул головой в знак согласия, и Хеннесси, ветеринар, продолжал:

— Я бы хотел рассчитать двух погонщиков, работающих на люцерне.

— А в чем дело?

— Один из них, Хопкинс, бывший солдат; с правительственными быками он, может быть, и умеет обращаться, но ширские ему не под силу.

Форрест кивнул.

— Другой работает у нас уже два года, но сейчас запил и все неудачи вымещает на лошадях.

— Это, верно, Смит, американец старого типа, бритый, левый глаз косит? — перебил Форрест.

Ветеринар утвердительно кивнул.

— Я за ним наблюдал, — закончил Форрест. — Вначале он хорошо работал, но в последнее время что-то свихнулся. Конечно, отправьте его вниз, в долину. Этого другого парня, вы говорите, его фамилия Хопкинс, тоже отправьте с ним. Кстати, мистер Хеннесси, вот что, — Форрест достал записную книжку, вырвал из нее только что исписанную страницу и смял ее в руке. — У вас в кузнице новый человек лошадей подковывает, вы как его находите?

— Он недавно работает у нас, я еще к нему не присмотрелся.

— Ну, отправьте и его заодно. Он нам не годится. Я сейчас видел, как он прилаживал подкову старенькой Ольден Бесси: около дюйма с копыта соскоблил.

— Думал — сойдет, а отлично знал, что так нельзя.

— Вот и отправьте его в долину, — повторил Форрест и, чуть-чуть пощекотав шпорами гарцевавшую под ним лошадь, стрелой пустился по дороге, хотя лошадь брыкалась и пыталась встать на дыбы.

Многое, что видел, его радовало. Он даже вслух пробормотал: «Жирная земля, жирная земля». Но попадалось такое, что не нравилось ему, и он это тотчас заносил в записную книжку. Объехав вокруг Большого дома и выехав дальше, он остановился у группы барачков и загонов. Это и была, собственно, цель его поездки — больница для скота. Здесь он нашел только двух телок, с подозрением на туберкулез, и великолепного борова дюррок-джерсейской породы в отличном состоянии. Весил он шестьсот фунтов; яркие глаза, быстрые движения и блеск шерсти свидетельствовали о том, что он совершенно здоров. Однако, поскольку он был только недавно перевезен из Айовы, по раз навсегда установленному в имении обычаю, он подвергался определенному карантину. По книгам он значился под именем Бургесс

Первый, двух лет, и обошелся Форресту в пятьсот долларов, занесенных в табель расходов по имению.

Проехав галопом по дороге, перпендикулярной к кругу, образуемому Большим домом, Форрест поравнялся с Креллином, управляющим свиноводством, и в течение пяти минут совместно с ним решил участь Бургесса Первого на ближайшие месяцы. Он тут же узнал, что племенная свинья Леди Айлтон, удостоенная голубой ленты на всех выставках от Сиетла до Сан-Диего, благополучно разрешилась одиннадцатью поросятами. Креллин рассказал, что он просидел с нею полночи и теперь едет домой принять ванну и позавтракать.

— Я слышал, что ваша старшая дочь окончила среднюю школу и хочет поступить в Стэнфорд, — сказал Форрест, сдерживая кобылу, только что собравшуюся пуститься в галоп.

На лице Креллина, еще молодого человека лет тридцати пяти, сочеталась зрелость отца семейства с живостью интеллигентного человека, проводящего все время на открытом воздухе и ведущего здоровый образ жизни. Он вполне оценил интерес хозяина к его частным делам и, слегка вспыхнув, утвердительно кивнул головой.

— Обдумайте это хорошенько, — посоветовал Форрест. — Вспомните всех знакомых вам девушек, окончивших университет. Узнайте, сколько из них работает по специальности, а сколько вышли замуж через два года после получения дипломов и перешли на производство младенцев.

— Елена относится к этому серьезно, — возразил Креллин.

— Помните, когда меня оперировали по поводу аппендицита? — ответил Форрест. — Ну, лучше, чем моя сестра милосердия, я не видел, прелестная девушка! Она только что перед тем получила диплом, всего за шесть месяцев. А четыре месяца спустя мне пришлось посылать ей свадебный подарок, она вышла замуж за представителя автомобильной фирмы. С тех пор она все живет по гостиницам. У нее даже случая не было ни за кем ухаживать, даже из собственных детей хоть бы один заболел расстройством желудка. Но... у нее есть надежды... и осуществляются они или нет... пока она бесконечно счастлива... К чему же ей было учиться?

Мимо проехала пустая удобрительная платформа, и спешившийся Креллин и Форрест на своей кобыле отошли на край дороги. Форрест заискрившимися глазами взглянул на пристяжную кобылу, огромную,

очень правильно сложенную ширскую, заслужившую и себе и своим потомкам такое количество голубых лент, что для перечисления и классификации их понадобился бы опытный счетовод.

— Посмотрите на Принцессу Фозрингтонскую, — сказал Форрест, кивнув на утешившую его лошадь. — Вот вам нормальный представитель женского пола, одна только случайность помогла человеку после тысячи лет подбора домашнего скота выработать из нее ломовую лошадь. Но то, что она ломовая, это дело второстепенное, главное — она остается производителем. Посмотрите на наших женщин: больше всего они любят нас, мужчин, и сильнее всего ими правит чувство материнства. Никакого биологического оправдания для всей этой шумихи о женских политических правах и о женском труде нет.

— А экономические причины? — возразил Креллин.

— Это правда, — согласился его патрон, но тут же выставил новые возражения. — Современная промышленная система мешает бракам и заставляет женщин искать работу. Но помните, промышленные системы рождаются и умирают, а биология бессмертна.

— В наше время довольно трудно удовлетворить женщину лишь браком, — протестовал управляющий.

Дик Форрест засмеялся недоверчиво.

— Едва ли, в этом я не уверен, — сказал он. — Возьмите, например, вашу жену. Посмотрите на нее с ее дипломом, и она при этом классик, — что же она извлекла из своего классицизма? Двух мальчиков и трех девочек, если я не ошибаюсь?.. Я помню, вы мне говорили, что обручились с нею, когда она проходила последний семестр.

— Это правда, — настаивал Креллин, весело усмехнувшись, — но ведь это было пятнадцать лет тому назад, и это был брак по любви. Иначе мы поступить не могли. В этом я с вами согласен. Она мечтала пойти необыкновенно далеко, а я не мог успокоиться на чем-либо ином, чем на деканстве в сельскохозяйственном колледже, но иначе мы поступить не могли. Однако это было пятнадцать лет тому назад, а пятнадцать лет перевернули все мечты и идеалы наших молодых девушек.

— Не верьте вы этому, мистер Креллин, статистика вам покажет, что все это преходяще: всякая женщина остается женщиной навсегда.

Пока наши девочки не перестанут играть с куклами и смотреть в зеркало на свое обаятельное отражение, женщина не перестанет быть тем, чем она была всегда: сначала матерью, а потом подругой мужчины. Это, как я сказал, может быть проверено статистикой. Я следил за девушками, получающими высшее образование. Вы заметьте, кстати, что те, кто выходят замуж до окончания, вообще исключаются из института. Но даже и окончившие занимаются педагогикой в среднем не больше двух лет. А если вы примете во внимание, что многие из них заранее обречены на то, чтобы остаться старыми девами и заниматься педагогическим трудом всю свою жизнь просто потому, что они некрасивы или им не повезло, то вы увидите, что они своей деятельностью естественно сокращают срок работы вышедших замуж.

— Имея дело с мужчинами, женщина, даже молодая девушка, всегда добьется своего, — пробормотал Креллин, чувствуя себя бессильным оспаривать цифры, на которые ссылался его патрон, но про себя твердо решивший проверить их.

— И ваша дочь поступит в Стенфорд, — засмеялся Форрест, готовясь пустить свою кобылку галопом, — и вы, и я, и все мужчины до скончания веков будут делать все, что требуется, чтобы только они могли настоять на своем?

Креллин усмехнулся про себя, провожая глазами хозяина. Мысль, вызвавшую у него улыбку, можно было бы формулировать так: «А где же ваш ребенок, мистер Форрест?» Он решил повторить этот вопрос миссис Креллин за утренним кофе.

Не доезжая до Большого дома, Дик Форрест снова остановился. Он заговорил с неким Менденхоллом, управляющим коневодством и экспертом по пастбищам и фуражу; о нем говорили, что он знает не только каждую травинку по всему имению, но и ее длину и возраст.

Форрест его окликнул, и Менденхолл остановил двух жеребят, которыми правил, сидя в тяжелом двухместном экипаже. Форресту он понадобился потому, что ему захотелось поделиться со специалистом мыслью, мелькнувшей у него при виде северного края долины, где волнистые холмы, сейчас освещенные солнцем и поражающие яркостью своей зелени, выступом выдавались в бесконечную долину Сакраменто.

Последовавший затем разговор отличался краткостью и подбором выражений, понятных только посвящённым. Речь шла о травах. Говорилось о зимнем дожде и о вероятности новых дождей предстоящей поздней весной; упоминались разные названия вроде Малый Койот и ручейки Лос-Кватос, холмы Йоло и Миримар, Большой Бассейн, Круглая Долина, хребты Сан-Ансельмо и Лос-Банос. Обсуждалась переброска стад и табунов в прошлом, настоящем и будущем, а также виды на засеянные луга на далеких горных пастбищах и оценка сена, оставшегося с зимы в далеких амбарах и в укрытых горных долинах, где стада зимовали и кормились.

Под дубами, у коновязи, Форресту не пришлось привязывать Людоедку; выбежал конюх и принял лошадь, а Форрест, лишь наскоро бросив ему несколько слов о какой-то лошади по имени Дадди, зазвенел шпорами по дороге в Большой дом.

Глава III

Форрест вошел в один из флигелей Большого дома через массивную, окованную железом дверь, выводящую на площадку, которую можно было принять за вход в подземную тюрьму.

Пол был выложен цементом, а многочисленные двери раскрыты. Через одну из них вышел китаец в белом фартуке и накрахмаленном поварском колпаке; из другой доносилось глухое жужжание динамомшины. Форрест остановился, открыл дверь настежь и заглянул в прохладную бетонированную комнату, освещенную электричеством, где стоял длинный стеклянный холодильник со стеклянными полками, а за ним — машина для изготовления искусственного льда и динамомшина. На полу в засаленном рабочем балахоне сидел на корточках маленький человечек, которому хозяин кивнул головой.

— Что, неладно, Томсон? — спросил он.

— Было, — коротко ответил тот.

Форрест запер дверь и пошел по коридору, напоминавшему туннель: узкие отверстия с железными перекладинами, похожие на бойницы средневековых замков, тускло освещали путь. Другая дверь открылась в длинную низкую комнату со сводчатым потолком и камином таких размеров, что в нем можно было бы зажарить целого быка. На углях ярко пылал огромный чурбан; обстановку составляли два бильярдных стола, несколько карточных столов, диваны по углам и миниатюрный бар. Двое молодых людей, натирая мелком кии, ответили на приветствие Форреста.

— Доброе утро, мистер Нэйсмит, — бросил он, — что, набрали еще материал для «Вестника скотовода»?

Нэйсмит, моложавый мужчина лет тридцати, в очках, сконфуженно улыбнулся и с укором посмотрел на своего товарища.

— Меня соблазнил Уэйнрайт, — пояснил он.

— Из чего следует, что Льют и Эрнестина все еще разыгрывают спящих красавиц, — засмеялся Форрест.

Молодой Уэйнрайт не успел отшутиться, как Форрест уже был в дверях, через плечо говоря Нэйсмиту:

— Хотите поехать со мной в половине двенадцатого? Мы с Тэйером отправимся в автомобиле поглядеть на шропширов, ему нужно десять вагонов баранов. Вы наверняка найдете отличный материал для себя. Их вывозят в Айдахо. Захватите фотоаппарат. Вы видели Тэйера утром?

— Он шел к завтраку, когда мы выходили, — заметил Берт Уэйнрайт.

— Если увидите его, скажите, чтобы он был готовым к половине двенадцатого. Вас я не приглашаю, Берт... из любезности. К тому времени наши барышни уже наверняка поднимутся.

— Риту-то вы, пожалуйста, возьмите с собою, — взмолился Берт.

— Ни в коем случае, — ответил Форрест уже за дверь. — Мы едем по делу, к тому же Риту никакими силами не оторвешь от Эрнестины.

— Вот потому-то я бы и хотел посмотреть, удастся ли это вам, — усмехнулся Берт.

— Странно, как это мужчины не ценят своих собственных сестер, — Форрест остановился. — Мне всегда казалось, что Рита прелестная сестра, а в чем дело, что вы имеете против нее?

Не ожидая ответа, он закрыл за собой дверь, и его шпоры зазвенели по коридору к винтовой лестнице с широкими бетонными ступенями. Поднимаясь по ней, он услышал звуки рояля; играли какой-то танец, слышался смех. Он заглянул в светлую комнату, залитую солнечными лучами. За роялем сидела молодая девушка в розовом кимоно и утреннем чепчике, а две другие в таком же наряде, обнявшись, отплясывали какой-то танец, которому отнюдь не учат в танцевальных школах и который, конечно, не предназначался танцовщицами для глаз мужчин. Девушка за роялем заметила его, подмигнула ему и продолжала играть. Танцующие увидели его позже. Они вскрикнули от ужаса, упали в изнеможении друг другу в объятия, и музыка оборвалась. Все три были прелестными, здоровыми молодыми, и глаза Форреста зажглись тем же огнем, каким горели при виде Принцессы Фозрингтонской. Посыпались шутки.

— Я стою здесь уже пять минут, — заявил Дик Форрест.

Чтобы скрыть смущение, обе танцовщицы решили в этом усомниться и привели множество всем известных примеров его лживости. Сидевшая за роялем его невестка, Эрнестина, настаивала на том, что с уст Форреста льются чистые жемчужины правды и что она заметила его с того самого момента, как он вошел, и что по ее расчетам он уже находится в комнате больше пяти минут.

— Как бы то ни было, — прервал Форрест их болтовню, — невинный младенец Берт думает, что вы еще спите.

— Да... для него мы спим, — возразила одна из танцовщиц, живая и хорошенькая девушка, — поэтому и вы, молодой человек, проходите, проходите.

— Послушайте, Льют, — строго начал Форрест. — Из того, что я дряхлый старик, а вам восемнадцать лет, всего только восемнадцать, и вы оказались сестрой моей жены, вовсе не следует, что вы должны передо мной так важничать. Не забывайте, — и я хочу это установить ради Риты, как бы вам ни было неприятно, — что за последние десять лет я вас выручал из стольких позорных ситуаций, что вам, пожалуй, станет стыдно, если я тут же их перечислю. Правда, я не так молод, как когда-то, — тут он многозначительно пощупал мышцы правой руки и сделал вид, что собирается засучить рукава, — но я еще... и за два цента...

— Что? — воинственно подзадоривала его девушка.

— За два цента, — пробормотал он с мрачным видом, — за два цента. Да, знаете, мне очень неприятно вам об этом говорить, но ваш чепец сидит очень криво. К тому же никак нельзя утверждать, что он сделан со вкусом. Уверяю вас, что я во сне одними только пальцами ног сумею соорудить что-нибудь лучшее; уверяю вас, и даже морская болезнь мне не помешает...

Льют задорно качнула белокурой головкой, мельком оглядела подруг, ища в них участия и поддержки, и вскричала:

— Что же это такое, разве мы, три женщины, не сумеем разделаться с этим старым толстяком? Что вы на это скажете? Все разом на него, ведь ему не меньше сорока лет. Хотя я не люблю разглашать семейные тайны, но должна сознаться, что он страдает болезнью Меньера[1].

Эрнестина, маленькая, но ловкая блондинка лет восемнадцати, отскочила от рояля и подбежала к подругам. Они схватили подушки с

глубоких кресел, стоящих у окна, и сомкнутым строем, держа в каждой руке по подушке и соблюдая между собой должное расстояние, стали надвигаться на врага.

Форрест приготовился к бою, но внезапно поднял руку для переговоров.

— Бойтся! Трус! — издевались они над ним, сначала поодиночке, а потом хором.

Он покачал головой.

— За это и вообще за дерзости все вы трое будете наказаны, как полагается. Я внезапно вспомнил все, чем из-за вас перестрадал. Еще минута — и я стану лютым. Но сначала я буду говорить, как сельский хозяин: скажите мне, ради всего святого, что такое болезнь Меньера? Что, овцы заражаются ею?

— Болезнь Меньера, — начала Лют, — это то, чем вы страдаете, вообще же на свете этой болезнью заражаются только овцы.

Тут-то и началась настоящая война. Форрест использовал футбольный маневр, известный в Калифорнии еще до того, как он был принят в регби; а девушки дали ему развивать свою линию, пропустили его в тыл, но затем повернулись и стали колотить подушками. Он пошел на них с широко раскрытыми руками, вытянутыми и скрюченными пальцами, которыми и вцепился во всех трех сразу. Вокруг вооруженного шпорами человека поднялся вихрь; его покрывали волны легкого шелка, летели туфли, чепцы и шпильки, подушки; слышалось рычание атакуемого, визги, крики и хохот девушек, и, наконец, все сражение покрылось нескончаемым хохотом и треском раздираемой шелковой ткани.

Дик Форрест очутился распластанным на полу, голова отяжелела от ловко брошенных в него подушек, в одной руке у него волочился длинный, измятый и изорванный голубой пояс с вышитыми по нему бледными розами. У одной из дверей с разгоревшимися в сражении щеками, насторожившись, как лань, и готовая бежать, стояла Рита; другую дверь заняла Эрнестина; разгорячившаяся, в повелительной позе матери Гракхов, она стыдливо завернулась в жалкие остатки своего кимоно и одной рукой придерживала его. Лют, загнанная за рояль, пыталась бежать, но остановилась, испуганная угрозой Форреста, который, стоя на четвереньках, хлопал ладонями о пол, дико мотал головой и рычал, как разъяренный бык.

— А люди все еще верят старому доисторическому мифу, — возвестила Эрнестина из своего укромного уголка, — будто когда-то это жалкое подобие мужчины, ныне повергнутое в прах, стоя во главе футбольной команды Беркли, победило Стэнфорд.

Но она задыхалась от усталости, и Форрест с особенным восхищением отметил, как шевелится на ней прозрачный вишневый шелк, а затем перевел взгляд на других девушек, которые тоже не могли отдышаться.

Рояль был типа «миниатюр» — изящное сочетание белой эмали и золота, в тон всей веселой комнате. Он стоял вдали от стены, так что Льют вполне могла обежать его с другой стороны. Форрест вскочил на ноги и стал перед нею за широкой плоской крышкой. Он приготовился прыгнуть через нее, но Льют вскричала в ужасе:

— Но шпоры, Дик! На вас шпоры!

— Дайте мне снять их, — предложил он.

Но пока он наклонялся, чтобы расстегнуть их, Льют собралась прошмыгнуть, однако была немедленно водворена в свое убежище.

— Отлично, — пробормотал он. — Во всем этом будете виноваты вы! Если на рояле появятся царапины, я все скажу Паоле.

— У меня есть свидетели, — бросила она, призывая своими голубыми смеющимися глазами стоящих у дверей подруг.

— Прекрасно, моя милая, — Форрест отступил и одним уверенным жестом оперся ладонями о крышку рояля. — Иду на вас!

За делом не стало. Он перепрыгнул, опираясь на руки, но, прыгая, так перебросил тело в сторону, что страшные шпоры промелькнули на добрый фут выше блестящей белой поверхности. В один момент Льют нырнула под рояль, чтобы на четвереньках проползти под ним. Но, к своему несчастью, она стукнулась головой, и, прежде чем ей удалось прийти в себя, Форрест загнал ее обратно под рояль.

— Выходите, — приказал он, — выходите получить ваше наказание!

— Перемирие, — взмолилась она. — Перемирие, славный рыцарь, во имя вашей возлюбленной и всех угнетенных дев.

— Я не рыцарь, я людоед, — провозгласил Форрест густым басом. — Я людоед, грязный, мерзкий и совершенно падший во грехе людоед. Я родился в болотах. Отец мой был людоед, а мать еще хуже. Меня убаюкивали воплями умерших и проклятых младенцев. Я вскормлен

исключительно на крови юных девушек, воспитанных в благородном пансионе. Рестораном мне всегда служил деревянный пол, а обедом добрый кусок ученицы благородного пансиона и кровлей — крышка рояля. Отец мой был не только людоедом, но и калифорнийским конокрадом, а на мне еще больше преступлений, чем на отце. У меня больше зубов. Моя мать тоже людоедка, но ее позор был много хуже: она еще всегда подписывалась на дамские журналы, но я ужаснее матери.

— Неужели нельзя смягчить ваше свирепое сердце? — взмолилась Льют нежным голосом, высматривая, как бы ей улизнуть.

— Для этого существует только одно средство, жалкая женщина. Только одно, на земле, над землей и под быстрыми волнами.

Эрнестина перебила его, сразу отметив плагиат.

— Смотри: Эрнст Досон, страница семьдесят пять, тоненькая книжка жидких стихов, смешанных с кашей, которой кормят барышень, томящихся в благородном пансионе, — продолжал Форрест. — Как я уже имел честь говорить, пока меня не перебили с такой грубостью, одно только, и только одно способно влить успокоение в это бурное сердце, это — «Молитва девы». Слушайте во все уши, пока я их вам еще не отрезал, слушайте, глупая, очень некрасивая, маленькая коротконогая женщина под роялем, сможете вы прочитать «Молитву девы»?

Радостные возгласы со стороны дверей не дали ответить, а Льют из-под рояля закричала внезапно подошедшему молодому Уэйнрайту:

— Выручите, благородный рыцарь! Спасите!

— Отпусти девицу! — приказал Берт.

— Кто ты? — спросил Форрест.

— Король Джордж, черт побери, то есть, я хочу сказать, святой Георгий.

— В таком случае я твой дракон, — заявил Форрест с должным смирением. — Пожалей мою древнюю, благородную и единственную шею.

— Голову долой, — поощряли девушки.

— Остановитесь, девы, прошу вас, — уговаривал их Берт. — Я мелкая сошка, но все же не боюсь. Я справлюсь с драконом. Я воткну ему в глотку копье, и, пока он задыхается, переваривая всю поеденную им человечину, вы, прекрасные девы, бегите в горы, дабы не

обрушились на вас долины. Йоло, Петалума и Западное Сакраменто будут скоро наводнены сильным приливом с большими рыбами.

— Голову долой, — кричали девушки, — утопи его в крови, зажарь его целиком!

— Конечно, — простонал Форрест, — я погиб; вот и полагайся на бесконечное милосердие христианских девушек, живших в 1914 году, к тому же еще получающих политические права, когда вырастут, разве только не выйдут замуж за иностранцев. Пропала моя голова, святой Георгий, я умер, все кончено!

И с громкими рыданиями и всхлипываниями, необыкновенно натурально корчась и звеня шпорами, Форрест скончался.

Льют выползла из-под рояля. И вместе с Ритой и Эрнестиной исполнила импровизированный триумфальный танец над павшим. Но среди танца Форрест вдруг сел и, многозначительно подмигнув Льют, стал громко протестовать:

— Героя-то! — закричал он. — Вы забыли увенчать его цветами.

И Берта украсили цветами из ваз, где вода еще не сменялась со вчерашнего дня. Когда пучок размякших в воде стеблей молодых тюльпанов, воткнутый ему за ухо сильной рукой Льют, залил ему шею, он сорвался и побежал, преследуемый девушками. Шум буйной погони гулко разнесся по коридору, замирая на лестнице у бильярдной. Между тем Форрест оправился и, весело улыбаясь и звеня шпорами, пошел дальше своей дорогой к Большому дому. Пройдя через два внутренних двора, вымощенных кирпичом, крытых испанской черепицей и утопающих в роскошных весенних листьях и цветах, он вошел в свой флигель, все еще тяжело дыша после возни, и застал там поджидавшего его секретаря.

— Доброе утро, мистер Блэйк, — поздоровался он с ним. — Простите, меня задержали. — Он взглянул на часы. — Впрочем, только на четыре минуты. Раньше никак нельзя было вырваться.

Глава IV

От девяти до десяти Форрест с секретарем занимались перепиской со всевозможными корреспондентами, с целым рядом ученых обществ и самыми разнообразными сельскохозяйственными учреждениями. За это время он успевал сделать столько, сколько заурядный деловой человек, не умеющий пользоваться помощью подчиненных, не сделал бы до полуночи.

Дик Форрест стоял в центре целой системы, созданной им самим, которой он втайне очень гордился. Важные письма и документы он подписывал сам; на остальных документах печать ставил мистер Блэйк; он же в течение всего часа стенографировал лаконические решения патрона в ответ на многие письма. Мистер Блэйк был убежден, что он лично работает много больше хозяина, и думал, что патрон замечательно ловко придумывает работу, которую должны выполнять другие.

Ровно в десять часов в контору вошел Питтмен, ответственный за выставки скота, и Блэйк, нагруженный подносами с письмами, документами и фонографами, проскользнул в свою контору. С десяти до одиннадцати в комнату приходили управляющие и инспектора. Все они были строго приучены говорить кратко и экономить время и прекрасно отдавали себе отчет в необходимости четко излагать свои мысли. Дик Форрест внушил им, что минуты, уделяемые им, не предназначены для размышления. Они должны были подготовиться, прежде чем делать доклад или выступать с предложением. Помощник секретаря Бонбрайт, в десять часов всегда сменявший Блэйка, быстро записывал все вопросы и ответы, фактические данные, предложения и планы. Эти стенографические записи, впоследствии расшифрованные и перепечатанные на машинке в двух экземплярах, были кошмаром, а иногда и Немезидой управляющих и инспекторов. У Форреста была великолепная память, кроме того, он часто подтверждал правильность своих воспоминаний, ссылаясь на записи Бонбрайта.

Часто случалось, что после пяти- или десятиминутной беседы какой-нибудь управляющий выходил из конторы весь в поту,

совершенно разбитый и изнуренный. Форрест в течение всего этого часа напряженной работы обращался со всеми посетителями учтиво, но твердо, входя в детали всех отраслей хозяйства. Механику Томпсону он за какие-то четыре минуты ясно показал, в чем недостаток работы динамомшины, приводящей холодильник Большого дома в движение, обвинив в этом самого Томпсона. Затем заставил Бонбрайта записать номер главы и страницу книги, которую поручил Томпсону достать в библиотеке, тут же заявив Томпсону, что Паркмен, заведующий молочным хозяйством, недоволен последним ремонтом доильных машин и что холодильник на бойне неисправен. Каждый из служащих Форреста был специалистом, сам же он знал всё. Полсон, агроном, ответственный за пахоту, жаловался Досону, ответственному за сбор урожая:

— Я здесь проработал двенадцать лет и ни разу не видел, чтобы он пахал, а, между тем, черт его побери, он дело знает. Он гений, вот что! Знаете, раз как-то я видел, как он промчался мимо пахарей, весь занятый своей страшной Людоедкой, явно опасаясь худшего, а на следующее утро вдруг назвал, на сколько в том месте вспахана земля, и ошибся только на полдюйма, и знал, какими плугами мы пахали... Вы возьмите, как пахали Маков Луг, над Маленьким Лугом, на Лос-Кватос, я не знал, как подступиться, и надумал обойтись так, чтобы в одну сторону пропахать, а поперек — нет. Когда все было кончено, он уж тут как тут. Ну и что же? На следующее утро мне не поздоровилось! Больше я его не пытался провести.

Ровно в одиннадцать часов Уордмен, заведующий овцеводством, вышел от Форреста с поручением поехать в одиннадцать часов тридцать минут в автомобиле с Тэйером, покупателем из штата Айдахо, на смотр шропширских баранов. Бонбрайт вышел вместе с Уордменом, чтобы расшифровать свои записи, и Форрест остался в конторе один. Он вынул из плоской проволочной корзины, наполненной еще не просмотренными бумагами, — таких корзинок в конторе было множество, — брошюру, изданную штатом Айова о свиной холере, и стал ее просматривать.

В свои сорок лет Дик Форрест обладал выдающейся внешностью: рост — пять футов десять дюймов, с сильными мускулами, вес 180 фунтов, серые, очень большие глаза, с густыми нависшими бровями и темными ресницами. Лоб средний, светло-каштановые волосы,

высокие скулы с характерными впалыми щеками, сильные, но в меру развитые челюсти, нос с широкими ноздрями, прямой и довольно мясистый. Подбородок крутой, но не тяжелый, мягкий и нежный рот, при этом с известной твердостью губ. Кожа на лице загорелая и ровная.

В углах рта и в глазах светился смех, а над ртом проходили морщинки, появившиеся от частого смеха. Вместе с тем черты его лица говорили о силе и уверенности. Дик Форрест действительно был в себе уверен: уверен, что когда он рукой ищет что-либо у себя на письменном столе, то рука немедленно коснется именно нужной вещи, не отступив ни на дюйм; уверен, что если он вдумывается в трудные места текста о свиной холере, то все абсолютно поймет; уверен как в своем сильном теле, так и в своем уравновешенном уме; уверен в своем сердце, в своей жизни и работе, во всем, чем обладал, и в себе самом.

Он имел все основания для такой уверенности. Физическая сила, мозг и карьера выдержали испытание. Сын богатого человека, он не промотал отцовских денег. Рожденный и воспитанный в городе, он вернулся к земле и достиг там таких успехов, что имя его теперь появилось на устах всех скотоводов, где бы они ни встретились, чтобы поговорить о делах. Он был владельцем двухсот пятидесяти тысяч акров земли, ценностью от тысячи долларов за акр до ста долларов и от ста долларов до десяти центов, а также и такой, что местами не стоила и пенни за акр. На эксплуатацию этой четверти миллиона акров, от дренированных лугов до осушенных землечерпательными машинами болот, от проведения дорог до оросительной системы с распределением прав на воду за известную плату, от ферм до самого Большого дома, уходили совершенно чудовищные деньги.

Все в его хозяйстве, вплоть до последней часовой стрелки, было поставлено на широкую ногу и отвечало современным достижениям науки. Его управляющие жили на его земле, не платя никаких налогов, и получали оклады сообразно своим знаниям; они жили в домах, стоивших от пяти до десяти тысяч долларов, но все это были лучшие специалисты, приглашенные со всего континента, от Атлантического до Тихого океана. Если он заказывал газолиновые тракторы для обработки равнин, то заказывал их зараз целыми десятками; когда он запруживал воду у себя в горах, то сразу запруживал не менее ста

миллионов галлонов; когда осушал болота, то вместо того, чтобы заключить договор на землечерпательные работы с подрядчиком, сам покупал огромные землечерпалки, а когда работа на его собственных болотах заканчивалась, брал и подряды на осушение болот у соседей, крупных фермеров, земельных обществ на сто миль вверх и вниз по реке Сакраменто.

Голова у него работала так ясно, что он всегда отдавал себе полный отчет в необходимости покупать чужие умы и платить за лучшие из них много выше средней рыночной цены. А его ума, конечно, хватало, чтобы использовать как следует всех в своих интересах.

Ему было всего сорок лет, зрение его было остро, сердце билось ровно, пульс работал четко; он был человеком во всех отношениях сильным. И все же, пока ему не исполнилось тридцати лет, жизнь его протекала сумасбродно и беспорядочно. В тринадцать лет он убежал из родного дома. Но ему еще не было двадцати одного года, когда он окончил университет, после чего посетил гавани всех морей света и хладнокровно, от всей души, с веселым смехом шел навстречу всевозможным опасностям и рисковал жизнью во всех необыкновенных приключениях, какими изобилвала свободная жизнь, на его глазах подпадавшая под суровое воздействие закона.

В прежние времена в Сан-Франциско с именем Форреста считались. Родовой дом Форрестов был одним из первых дворцов, выстроенных на холме Ноб местными богачами-пионерами: Флудами, Маккейнами, Крокерами и О'Брайенами. «Счастливчик» Ричард Форрест, отец, прибыл в Калифорнию из Новой Англии; он был человеком с ярко выраженными коммерческими способностями, в ранние годы интересовавшийся только клиперами и строительством новых клиперов, но немедленно по переселении занявшийся скупкой земли по морскому побережью, речным судоходством и рудниками, а впоследствии осушением болот и проведением Южно-Тихоокеанской железной дороги.

Он вел большую игру, крупно выигрывал и крупно терял; но его выигрыши всегда оказывались больше проигрышей, и все, что он терял, играя в одну какую-нибудь игру, он возвращал себе в другой игре. Все заработанное в Комстоке он спустил в дыры бездонного фонда компании Даффодил в графстве Эльдorado. Все спасенное от катастроф на линии Бениш он использовал в акционерном обществе

Напа, то есть в ртутном месторождении, и оно дало ему пять тысяч прибыли. А все потерянное при банкротстве Стоктонских морских укреплений он с избытком вернул в Сакраменто и Окленде.

В довершение всего, в то самое время, когда Счастливец Ричард Форрест потерял все, что имел после целого ряда катастроф и обанкротился в такой мере, что весь Сан-Франциско обсуждал вопрос о том, сколько принесет на аукционе его дворец на Нобском холме, он убедил некоего Дела Нелсона затеять большое дело в Мексике. История свидетельствует о том, что предварительные работы этого самого Дела Нелсона по поискам кварца положили основание для эксплуатации всех залежей Харвест, с легендарными и неистощимыми богатствами его рудников. Потрясенный этими удачами, Дел Нелсон успел за год угробить себя поглощением безмерного количества дешевого виски и, не имея родных, оставил неоспоримое завещание в пользу Счастливика — Ричарда Форреста.

Дик Форрест был единственным сыном Счастливика. Человек колоссальной энергии и предприимчивости, Ричард Форрест от первых двух браков детей не имел. Похоронив вторую жену, он в 1872 году женился в третий раз, когда ему было уже пятьдесят восемь лет, а в 1874 году умерла и эта жена, родив ему здорового крепыша в двенадцать фунтов весом, выросшего на Нобском холме, во дворце, под попечением целого полчища нянек.

Маленький Дик развивался очень быстро. Счастливец Ричард был демократом. Дик за год прошел с домашним учителем все, чему в школах учат три года, а выигранное время он проводил на воздухе. Поэтому ввиду раннего развития сына и демократических взглядов отца Дик был отдан в народную школу, чтобы приучиться общаться с сыновьями и дочерьми рабочих, лавочников, трактирщиков и политических деятелей.

Когда учителя вызывали его в классе или устраивали состязания по правописанию, то все отцовские миллионы не помогали ему победить гениального математика Пэтси Хэллорэна, сына простого каменщика, или Мону Санвинетти, писавшую диктанты так хорошо, что ее талант объясняли исключительно колдовством; всем было при этом известно, что ее мать — вдова, владелица всего лишь зеленой лавочки. Отцовские миллионы и дворец на Нобском холме несколько не помогли мальчику и тогда, когда, сбросив куртку и ботинки, не

соблюдая никаких правил, он бил и был бит, дрался поочередно с Джимми Батсом, Джаном Шоинским и кучей других мальчишек, которые несколько лет спустя уже странствовали по белу свету, пожиная лавры в качестве боксеров, каких породил один только Сан-Франциско, когда в нем еще бродила нетронутая, здоровая и молодая сила.

Этим демократизмом Счастличик Ричард сослужил сыну хорошую службу. В тайниках души Дик ни на минуту не забывал, что он живет во дворце, обслуживаемом многочисленными слугами, и что отец его — человек, пользующийся большим влиянием и большим почетом; но, с другой стороны, Дик познал также и силу демократии и людей, стоящих не менее твердо, чем он, на двух ногах и орудующих своими кулаками. Все это он понял, когда Мона Санвинетти заняла первое место в классе, потому что делала меньше ошибок, чем он, и когда Берни Миллер победил его на состязании в беге.

А когда Тим Хэгэн оставил его на поле битвы с окровавленным носом, разорванной губой и дыханием, вырывавшимся у него из разбитой груди со свистом и стоном, тут опять-таки нечего было ждать поддержки из дворца или из чековых книжек. Крепко удерживаясь на своих двух ногах и действуя обоими кулаками, он знал, что теперь или он, или Тим. И именно здесь, в поту и крови, молодой Дик научился не проигрывать битвы, на первый взгляд, безнадежной. Положение было тяжелое с самого начала, но он выдержал до конца и добился общего признания, что силы противников равны. Но решение это было принято, когда оба лежали на земле почти без чувств, изможденные, с глазами, полными слез от злости и ненависти друг к другу. А затем противники подружились и вместе царили в школьном дворе.

Счастличик Ричард умер в месяц окончания Диком народной школы. Дику было тогда тринадцать лет. У него было двадцать миллионов долларов и ни одного родственника, имеющего право причинять ему неприятности. Он был владельцем целого дворца, паровой яхты, конюшен и летней виллы на юге полуострова, в колонии набобов в Мэнло. Только с одним осложнением ему пришлось столкнуться — с опекунами. Впервые в прекрасный летний день он пришел к ним на совещание в громадный отцовский кабинет. Их было трое; все они были людьми пожилыми, состоятельными, компаньонами его отца. Слушая их разъяснения, Дик пришел к

заклучению, что хотя они и жаляют ему только добра, он все же с ними не сговорится. Он тут же рассудил, что они для него слишком стары. Кроме того, ему стало совершенно ясно, что его-то, того именно мальчика, судьбой которого они так озабочены, они не понимают. Наконец, со свойственной ему категоричностью, он решил, что только ему самому лучше знать, что для него хорошо.

Мистер Крокетт произнес длинную речь, прослушанную им с настороженным и вежливым вниманием, кивая головой, когда говоривший обращался непосредственно к нему. Мистер Дэвидсон и мистер Слокум также говорили и были выслушаны не менее почтительно. Между прочим, Дик узнал, каким цельным и честным человеком был его отец, и познакомился с программой, составленной этими тремя джентльменами для того, чтобы сделать из него, Дика, такого же прекрасного человека.

Когда они кончили, Дик, в свою очередь, попросил слова.

— Я все обдумал, — заявил он, — и прежде всего я отправлюсь путешествовать.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ